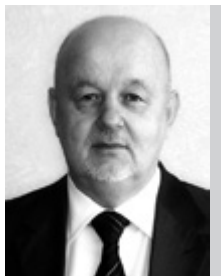

УДК 81.42

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.1723

ДИСКУРСИВНЫЕ РЕГУЛЯТИВЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ АТАК

Романов Алексей Аркадьевич,

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
доктор филологических наук, профессор,
Тверь, Россия,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Романова Лариса Алексеевна,

Тверская государственная сельскохозяйственная академия,
доктор филологических наук, профессор,
Тверь, Россия,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются дискурсивные регулятивы информационных атак. Авторы приходят к выводу, что содержательную сторону медийных материалов информационной интервенции и общую характеристику этапов развертывания программы «всерного» сдвига дискурсивного воздействия можно описать в виде матричных конститuentов структурного «дерева» соответствующих этапов такого воздействия.

Ключевые понятия:

информационная атака, дискурс, дискурсивные регулятивы, воздействие, дискурсивное пространство.

Технологической разновидностью коммуникативных механизмов по передаче переформатирующих сознание смыслов в развертывании и осуществлении

подрывных информационно-консциентальных кампаний (также: интервенций, атак, шумов, вбросов, волн и т. п.) можно считать манипулятивную технологию «всерного сдвига» окна дискурса, призванную активизировать массового адресата на реализацию различного рода действий, которые способны «привести к принятию решений, детерминирующих эти процессы» в пользу их бенефициара (инициатора, заказчика, манипулятора, «режиссера»). Функциональную специфику названной технологии, описанной в работах Тверской школы динамической модели регулятивной коммуникации [6; 7], можно показать на базе описания метафорического моделирования действий лучников у Лукиана из Самосаты, которые осуществляются по заданным шаблонам и лекалам массивированного информационного «вброса» (ср. современный образец реализации такой модели на материале информационных «вбросов» под названием «Панамагейт» в сетях различных СМИ). Эти модели могут также послужить одним из рекомендуемых вариантов противоборства с информационными атаками, которые также осуществляются по заданным или «срежиссированным» сценариям.

О возможном «боевом настрое» указанных «вбросов» (атак, баталий, «бомбардировок смыслами», войн, «дуэлей», информационных интервенций) ещё в 60-х годах прошлого века говорил Г.М. Маклюэн [3; 4, с. 346–347], отмечавший, что *«реальная тотальная война стала информационной войной. В ней сражаются при помощи утонченных информационных средств»* как в условиях «холодной войны», так и постоянно». Специфика такой войны проявляется, по его мнению, в том, что «наш сформированный электроникой мир вынудил нас отойти от привычки классифицировать факты и способы узнавания по типам». Поэтому сегодня «общественная жизнь зависит в большей мере от *характера средств*, при помощи которых люди поддерживают между собой связь, чем от *содержания их сообщений*. Не зная действия средств коммуникации, невозможно понять общественные и культурные изменения» [там же].

В качестве исходной основы информационной интервенции был выбран уже упомянутый массивированный «вброс» документального массива «Панамагейт» как одна из «срежиссированных» разновидностей существующего множества информационно-консциентальных попыток быстрого и эффективного внедрения («вброса») в массовое – мировое и, естественно, российское – сознание «вирусной» идеи (мема, регулятива) под общим и, на первый взгляд, безобидным и нейтральным названием *«Панамские документы»*, чтобы под благовидным предлогом ознакомить мировую общественность с содержанием некоторых финансовых документов, относящихся к зарегистрированным в оффшорной зоне Панамы фирмам и компаниям. Но простое информирование мировой общественности о содержании этих документов было далеко от заявленной цели. Быстро выяснилось, что основная задача информационного вброса документов сводилась к тому, чтобы выставить в неприглядном свете людей, компании и государства, каким-либо образом упомянутых в этих документах с целью опорочить их репутацию и подорвать доверие общества к конкретным персоналиям и к странам, соответственно, чтобы лишить их ресурсов (политических, экономических, моральных), от которых зависит репутационный капитал оппонента (т. е. персонального конкурента, соперника, конкретного политического противника или определенной страны). Таким образом была предпринята

попытка осуществить информационными средствами своё доминирующее влияние над ними и при помощи определенных методов, – например, санкционного давления, создания протестных движений или всеобщего осуждения и ostracism, – подорвать и дискредитировать основную стратегию выживания конкретной, намеченной в качестве жертвы, противоборствующей стороны.

В качестве информационного «тарана» был использован приём создания в сетевых СМИ дискурсивными регулятивами «срежиссированного» по определенному фреймовому сценарию дискурсивного пространства «Панамагейт». Опираясь на «ассоциативную («условнорефлекторную»), – в терминологии Л.С. Выготского [1, с. 104], – связь» логического отношения части и целого, инициаторы *интервенционного дискурса* попытались информационно перенести эту связь на отношения между частью и целым, где по задуманному сценарию в качестве первого компонента должны быть представлены один или несколько человек, имеющих значимое и статусное положение в обществе и в стране (т. е., своего рода, «фигура на фоне»), а в качестве второго компонента или «фона» – сама страна, само общество, которые связаны с его частью (т. е. с важными и значимыми персонами этой страны) общим признаком. И если первой части (персонам) приписать при помощи разнообразных дискурсивно-коммуникативных (медийных) практик определенные негативные признаки, то, следовательно, эти признаки «ассоциативно или условнорефлекторно» перенесутся и на целое, т. е. на общество и на страну.

В контексте сказанного важно подчеркнуть, что информационно-консциентальная кампания, связанная с интервенционным вбросом «Панамских документов / Панамских бумаг», практически повторяет в общих чертах предложенную «Лукианом из Самосаты программу» поэтапного (1–5 этапы) порождения и достижения результирующего эффекта воздействия на консциентальную сферу «мишени» (т. е. «души человека»). Поэтапное развертывание действий или «стрел», по Лукиану, позволяет обозначить две парадигмы использования атакующих регулятивов и раскрыть их содержательную и функциональную направленность на консциентальную сферу мишени («души») в человеке путем применения атакующих «стрел-речей» или регулятивов. К таковым можно отнести следующие этапы, маркированные соответствующими типовыми регулятивами:

- 1) выбор объекта («мишени») поражения или воздействия («душа»);
- 2) отбор проблемы и стратегия её решения (поражение, захват «души-мишени»);
- 3) подготовительный этап (сбор, наполнение и стратегическая оценка «колчанов», наполненных разнообразным множеством всевозможных и разнообразных «стрел-речей»);
- 4) построение сценария решения проблемы (выбор конкретных и пригодных для решения проблемы разновидностей поражения «души-мишени» с эффектами, позволяющими осуществить делегитимацию действий по реализации сценария);
- 5) манипулирование средствами воздействия (применение арсенала «разнообразных стрел» для достижения успешного, запланированного результата обстрела «души-мишени»).

Особо обращает на себя внимание тот факт, что предложенная программа указывает на возможность *вариативного использования* обозначенных парадигм концентриального воздействия, тем самым призывая к реализации – возможной или необходимой, в зависимости от стратегической цели воздействия – *смены* (чередованию) *парадигм* ведения атакующих действий. В частности, вместо *парадигмы борьбы*, направленной на действия по уничтожению противника, он предлагает более эффективную в определенном контексте (или сценарии, ср. выше этап 4 программного порождения и достижения результирующего эффекта) *парадигму действий* по «захвату его души» и сохранения противнику *жизненного ресурса*, что позволяет добиваться большего результирующего эффекта и, в частности, использовать в дальнейшем продуктивную деятельность противника в своих целях. Представляется, что при использовании «колчанов, полных разнообразных и всевозможных речей» [2] наиболее выигрышной в стратегическом плане выглядит вторая парадигма.

Другими словами, в современных условиях с точки зрения экономических (то есть малозатратных) выгод использование второй парадигмы окажется в наибольшей степени оправданной и целесообразной, если до начала её реализации атакующая сторона заранее подготовит (соберет, сформирует, стратегически оценит) компрометирующий противостоящую сторону материал («колчаны, полные стрел»), а затем запустит его – в целом виде или порционно (т. е. либо по «одной стреле», либо «колчанами, полными стрел») – в массивованные потоки информационно-пропагандистских операций или кампаний для осуществления психологического воздействия, чередуя, по совету Лукиана, разнообразное распространение в глобальной инфосфере массивов информационных атак с использованием информационных «шумов», «волн», вбросов, PR-акций и других мероприятий.

В свете сказанного становится очевидным, что функциональное предназначение «концентриального оружия» в виде воздействующих (атакующих, поражающих, деструктивных) и «срежиссированных» (вбрасываемых) информационно-коммуникативных посланий и сообщений сводится сегодня к тому, чтобы:

а) поражать массовое сознание противоборствующей стороны, приводя её к принятию решений, наносящих себе непоправимый ресурсный ущерб;

б) получать тотальное и доминантное преимущество в материальной и коммуникативно-информационной сферах;

в) перепрограммировать существующую коммуникативно-информационную и общественную систему противника, то есть, согласно С.П. Расторгуеву [5, с. 89–93], «найти или специально создать для неё в окружающем мире такую модель, на которую данная система должна стать похожей».

Учитывая отмеченные в «программе Лукиана» этапы развертывания информационно-концентриальных атак («вбросов»), можно проследить формирование дискурсивного пространства данной кампании, получившей на ключевом этапе концентриального воздействие название «Панамагейт», и проинтерпретировать его с учетом значимости тех или иных этапов названной

программы [подробнее о программе см.: 8; 10]. При этом также важно иметь в виду наличие стратегических дефензивных контрдействий атакованной стороны и учёт специфики их направленности на упреждение и отражение коммуникативных действий-практик (регулятивов) атакующей стороны, чтобы свести к минимальному риску возможность поражающего влияния. Содержательную сторону медийных материалов информационной интервенции и общую характеристику этапов развертывания программы «веерного» сдвига дискурсивного воздействия, направленного на переформатирование концентриального пространства (сферы) массового адресата, можно описать в виде матричных конститuentов структурного «дерева» соответствующих этапов такого воздействия, предложенных в [9].

1. Выготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти томах. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. С. 103–108.

2. Лукиан из Самосаты. Избранная проза. Пер. с древнегреч. – М., 1991. 720 с.

3. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

4. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 341–349.

5. Расторгуев С.П. Информационная война. – М.: Радио, 1999. – 416 с.

6. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: ИЯ АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 182 с.

7. Романов А.А. «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения «вирусной» информации: два подхода к проблеме // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2016, № 4. С. 1–35. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

8. Романов А.А., Романова Л.А. Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-концентриальной кампании. Статья первая: «Окно дискурса» как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017. № 3. С. 1–32. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

9. Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2015, № 2. С. 1–31. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>.

10. Romanov A. A., Romanova L. A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26–28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 512–518.

References

1. Vygotskij L.S. Instrumental'nyj metod v psixologii // Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij: v 6-ti tomah. T. 1. Voprosy teorii i istorii psixologii* / Pod red. A.R. Luriya, M.G. Yaroshevskogo. – M.: Pedagogika, 1982. S. 103–108.
2. Lukian iz Samosaty. *Izbrannaya proza. Per. s drevnegrech.* – M., 1991. 720 s.
3. Maklyue'n G.M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka* / Per. s angl. V. Nikolaeva; 3akl. st. M. Vavilova. – M.; Zhukovskij: «KANON-press-C., «Kuchkovo pole», 2003. 464 s.
4. Maklyue'n M. *Sredstvo samo est' sodержanie* // *Informacionnoe obshhestvo*. M.: ООО «Izdatel'stvo AST», 2004. S. 341–349.
5. Rastorguev S.P. *Informacionnaya vojna.* – M.: Radio, 1999. – 416 s.
6. Romanov A.A. *Sistemnyj analiz reguljativnyx sredstv dialogicheskogo obshheniya.* – M.: IYa AN SSSR; Kalininskij SXI, 1988. – 182 s.
7. Romanov A.A. «Okno diskursa» kak reguljativnyj mexanizm rasprostraneniya «virusnoj» informacii: dva podxoda k probleme // *Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2016, № 4. S. 1–35. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.
8. Romanov A.A., Romanova L.A. Funkcional'naya specifika «veernogo sdviga» okna diskursa v informacionno-konsciental'noj kampanii. Stat'ya pervaya: «Okno diskursa» kak kompleksnaya texnologiya informacionnogo spin-doktoringovogo vozdejstviya // *Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2017. № 3. S. 1–32. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.
9. Romanov A.A., Romanova L.A., Morozova O.N. Frejmovaya matrica spin-doktoringovogo konstruirovaniya smyslov v sisteme publicznyx kommunikacij // *Mir lingvistiki i kommunikacii: e'lektronnyj nauchnyj zhurnal*. 2015, № 2. S. 1–31. Rezhim dostupa: <http://tverlingua.ru>.
10. Romanov A.A., Romanova L.A. Communicative construct as “tunnel window” of media discursive reality // “Fundamental and Applied Studies in EU and CIS Countries”. The VII International Academic Congress (United Kingdom, Cambridge, England, 26–28 February 2017). Papers and Commentaries. Vol. VII. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. P. 512–518.

UDC 81.42

DOI 10.17506/dipi.2018.30.1.1723

DISCOURSIVE REGULATIVES OF INFORMATION ATTACKS

Romanov Aleksey Arkadievich,

Tver State Agricultural Academy,
DSc in Philology, Professor,
Tver, Russia,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Romanova Larisa Alekseevna,

Tver State Agricultural Academy,
DSc in Philology, Professor,
Tver, Russia,
E-mail: romanov_tgsha@mail.ru

Annotation

The article deals with the discursive regulatives of informative attacks. The authors conclude that the content side of media materials of informative intervention and the general characterization of the stages of deployment of the “fan” shift program of discursive impact can be described as matrix constituents of the structural “tree” of the corresponding stages of such influence.

Key concepts:

informative attack, discourse, discursive regulatives, influence, discursive space.